

ТЕАТР

КОМЕДИЯ ДВОРА.

В пьесе есть такой момент—в самом финале: во время заседания совета министров, разрешающего семейно-спальные дела королевы, сообщают о революции; все приседает в ужасах, но премьер предусмотрительно запасася красными ленточками—он советует экс-королям и товарищам министрам «нацепить бантики» и с «да здравствует революция» итти к народу.

Вся пьеса в целом напоминает этот момент: это самый обыкновенный фарс с красным бантиком. То, что все эти постельные приключения случаются с коронованными особами, то, что в конце докладывают о революции, не делает еще пьесы сатирой на двор.

Правда, и в красном бантике есть своя, очень небольшая, но все-таки цена. По известному выражению, «лицемерие есть та дань, которую пороки платят добродетели». Так, и красный бантик есть та дань, которую пошлость платит революции. Это заставляет притворяться; это дает, если не верный смысл, то верный адрес смеху, направляет его в цель:

В такой безмузыкальной оперетке отталкивают, в конце концов, не нескромности речи и ситуации. Большим произведениям разрешено же большое бесстыдство. Нестрашна и нескромность сама по себе. Но когда она ни к чему сдоб-

рена пошловатой вульгарностью и не остра? Все это было бы смешно, когда бы не было так глупо.

И все же это был полуживой спектакль. Что-то переносилось через рампу, доходило до зрителя и смешило. В зале смеялись. Забавны были карикатурные министры с их нечленораздельным, полусобачьим рычаньем во время совещания, забавен нелепый премьер (Вершинин) с его преувеличенно-глупым шагом в присядку, опереточный полущарлатан—полукороль (Норский). Симпатичное и чистое впечатление оставляет исполнение Эриной королевы Анны (да и других ролей). Она, правда, мало играет сценический образ роли, но при звучной и хорошей речи она с некоторой внутренней грацией и сдержанностью обошла пошловатые и рискованные места.

С такой опереточной игры в драме большего и не спросишь. Хуже было, когда вдруг вклинивались в спектакль целые куски игры всерьез.

И жаль, что выбор пьесы рассчитан на неумный и ничего не стоящий смех—кур на смех. Все эти вольности лубочной сцены можно было бы легко простить, если бы не крупницы сатиры потонули в фарсовой щекотке, а веселым смехом засмеялась бы комедия.

Л. С. Выготский